

Fiona Hill, Clifford G. Gaddy. Mr. Putin: Operative in the Kremlin. Brookings Institution Press, 2012. (A Brookings Focus Book). 390 p.

Какой видится Путину послепутинская Россия? Задумывается ли он когда-нибудь всерьез о преемнике? Может ли он себе представить, что будущий президент России будет избран гражданами на свободных честных выборах? Чего он больше боится — «дворцового переворота» или массовых протестов? На что он скорее надеется — на «бессмертие» или на «клонирование»?

Конечно, мы не можем узнать, что происходит у Путина в голове, но вполне можем об этом порассуждать. «Каждая уважающая себя служба внешней разведки должна иметь своего путинолога, — написал недавно Ричард Лури, автор биографии академика Сахарова, — потому что президент Владимир Путин правит всей Россией один. Его слово — закон». Не удивительно тем самым, что большинство тех, кто ставит себе целью объяснить процессы, происходящие в современной России, в результате пишут путинскую биографию — историю загадочного человека, бывшего полковника КГБ, который тринадцать лет назад пришел в Кремль из ниоткуда и теперь не может оттуда уйти. Чтобы понять сегодняшнюю Россию, необходимо понять Путина. Поэтому его биографии не просто сообщают нам о том, что было, но и пытаются угадать, что будет дальше.

Фионе Хилл и Клиффорду Гэдди в их новой книге «Владимир Путин: На оперативной работе в Кремле» лучше других удалось ответить на вопрос о том, что будет. Это глубокое и вдумчивое исследование — идеальный образец аналитической биографии, настоящий подарок специалистам по России от Института Брукингса. Авторы (в 2003 году они написали высоко оцененную всеми книгу «*The Siberian Curse: How Communist*

Planners Left Russia Out in the Cold» * (в России вышла в 2007-м под названием «Сибирское бремя: Просчеты советского планирования и будущее России») рассматривают конкретные примеры действий — или бездействия — Путина в широком контексте того пути, который проделало российское общество за последние двадцать лет. Их книга не о том, как Путин спас Россию или, наоборот, погубил ее. Не претендуют Хилл и Гэдди и на то, чтобы сообщить нам о каких-то доселе неизвестных «новых фактах». Их труд — это честный и скрупулезный анализ того, что уже и так известно; авторы книги используют прием «исторического воображения», в основе которого неукоснительная приверженность факту, понимание российской культуры и здравый смысл.

В своем исследовании Хилл и Гэдди исходят из того, что, принимая то или иное решение, Путин руководствуется не идеологическими принципами, а собственным опытом. Задача книги — реконструировать этот опыт. «Путин сам формировал свой политический путь; в значительной степени он отражает базовые составляющие его личности», — пишут авторы. Иными словами, для авторов книги рассказать о Путине означает выявить и описать его главные идентичности: государственника, пленника истории, мастера выживания, «лидера-одиночки», сторонника свободного рынка, сотрудника спецслужб.

Представляется, что фигура Путина и его популярность среди сограждан объясняются коллективным опытом российско-

* См. рецензию на эту книгу: Pro et Contra. Т. 9. № 1. 2005. С. 104–109. — Прим. ред.

го общества 1990-х годов. В основе этого опыта лежит распад Советского Союза и порожденный им кризис. Поколение Путина не испытывает ностальгии по советскому прошлому, но считает СССР своей родиной. Когда страна развалилась, у россиян возникло ощущение ненадежности, хрупкости всего жизненного устройства и неуверенности в завтрашнем дне. Эта неуверенность во многом объясняет мощное стремление к власти и обогащению, характерное для российского общества путинского периода, но кроме того, она позволяет понять странную амбивалентность режима Путина в том, что касается отношения к авторитаризму и демократии. За короткое время Россия испытала на себе все минусы обеих систем. Поэтому не удивительно, что хотя путинский режим с готовностью прибегает к авторитарным практикам, он тем не менее не делает окончательного выбора в пользу авторитаризма. Российский президент и его приближенные на самом деле знают, что спецслужбы не обеспечивают выживания. Они ведь сами там работали и не смогли уберечь ни коммунистический режим, ни Советский Союз.

Путин-государственник

Державнические взгляды Путина — не следствие его опыта службы в КГБ и не ностальгия по советскому прошлому. Они имеют более глубокую и важную основу и соответствуют желанию всего российского общества забыть о позорной слабости государства первого постсоветского десятилетия. То потрясение, которое испытало общество перед лицом полного провала государственной власти, объясняет не только то, почему Борис Ельцин назначил Путина своим преемником, но и то, почему большинство россиян сразу признали бывшего полковника КГБ своим лидером. И именно тот факт, что сегодня 1990-е постепенно стираются из памяти, явля-

ется причиной снижения путинской популярности. В основе путинского договора с российским народом лежал суверенитет России, а не просто рост благополучия. В 2000 году граждане хотели жить в государстве, которое можно было бы уважать, потому что государство 1990-х уважать было невозможно.

Путин — пленник истории

В отличие от многих критиков Путина, утверждающих, что Путин — человек, случайно оказавшийся у власти, который живет только сегодняшним днем и в первую очередь стремится к личному обогащению, Хилл и Гэди в своей книге доказывают, что Путина можно назвать лидером, находящимся в плену истории: он знает о своей исторической роли и постоянно ищет ответы в российском прошлом, однако ему так и не удалось предложить адекватное для XXI века видение российского будущего. Его восприятие российской истории вызывает в памяти обращение «господин-товарищ», вошедшее в употребление в исторической сумятице 1920-х годов, когда люди перестали понимать, в каком времени они живут. Для Путина, как и для семьи Комаровых из повести Набокова «Пнин», «идеальная Россия состоит из Красной Армии, помазанника Божия, колхозов, антропософии, Православной Церкви и гидроэлектростанций». Путину не видится ничего странного в том, чтобы российские граждане праздновали и годовщину победы в Сталинградской битве, и юбилей династии Романовых. Для него российская история прежде всего — способ сохранить Россию. Но этот инструментальный подход не следует путать с сурковским утонченным цинизмом, замаскированным под постмодернистскую философию. Отношения путинского поколения с идеологией гораздо более двойственны: конечно, оно цинично и не испытывает потребности в каких бы то ни было идеологических прин-

ципах, но эти люди ценят идеологию как часть борьбы за власть. Путину нужна идеология, чтобы на ее основе сформулировать основу идентичности — народа и режима. И он винит *сурковщину* в массовых протестах зимы 2011/12 года. Путин считает, что россиянам нужна идеология, чтобы защититься от ужасов глобализации. И союз Кремля с РПЦ в этом контексте — не просто тактический ход, а своего рода политический императив. При этом то, как Путин относится к религии, не сильно отличается от того, как к ней относился Сталин, который тоже использовал ее для победы в Великой Отечественной войне как главный символ российского национализма.

Путин — мастер выживания

Мастер выживания — наверное, самая интересная из путинских ипостасей, описанных в книге Хилл и Гэдди. По справедливому замечанию авторов, есть большая разница между тем, кто выжил в катастрофе (*survivor*), и тем, кто подготовлен к выживанию в экстремальных условиях (*survivalist*). Один — пассивен, другой — активен; Путин — не выживший, он именно специалист по выживанию. Когда Россия кардинально менялась, он был за границей: крушение Советской империи он осознал еще в 1989-м, находясь в Восточной Германии, и оно стало для него очень личным и драматическим переживанием. Для Путина выживание равнозначно победе: когда протестующие пытались прорваться в здание «дома дружбы» СССР — ГДР в Дрездене, где служил под прикрытием подполковник КГБ Путин, он вышел к ним и сумел удержать их, притворившись переводчиком, то есть мелким чиновником, не несущим никакой ответственности. Эта уловка позволила ему выжить, иными словами, он вышел победителем. Именно навыки выживания определяют склонность Путина мыслить в кате-

гориях наихудшего сценария. Готовность к нештатным ситуациям лежит в основе путинского мировоззрения и составляет суть его концепции управления Россией. Именно эта черта роднит его с экономическими либералами типа Алексея Кудрина. Однако то, что, с точки зрения Кудрина, является разумной экономической политикой, для Путина выполняет задачу разумной стратегии национальной безопасности. Путин велел создать резервные фонды, чтобы защитить российский суверенитет. И последствия кризиса 2008–2010 годов убедили его в правильности принятого решения. Задача выживания является для Путина центральной, и это объясняет еще один ключевой элемент его политики, а именно навязчивую идею, что никто не должен заподозрить его в слабости. Путин — мастер выживания построил всю современную российскую политику на принципе «мы не должны допустить, чтобы нас считали слабаками». Ради того, чтобы доказать, что он не слабак и что его нужно воспринимать всерьез, он оказался готов даже вторгнуться на территорию соседнего государства.

Путин — «лидер-одиночка»

Еще одна политическая идентичность Путина, которую выделяют Хилл и Гэдди, — нежелание «быть со всеми». Он оставался «посторонним» в университете, в КГБ, в Дрездене и даже в Кремле, но важно понимать, что это одиночество всегда было его сознательным выбором. Тому, кто остается в стороне, всегда легче понять, что на самом деле происходит внутри; но этим определяется и главный недостаток «посторонности» — неспособность быть «своим». «Одиночка» ни с кем и ни с чем себя не идентифицирует, его лояльность — скорее стратегия, чем веление души. Проведя более десяти лет у власти, Путин, как мне кажется, остается «посторонним» даже по отношению к собственному политическому режиму.

В управлении страной он по-прежнему опирается на людей, с которыми познакомился еще до прихода в Кремль. Он упорно остается чужим по отношению к собственной политической системе, и в этом он чем-то похож на российских императоров.

Путин — сторонник свободного рынка

Сторонник свободного рынка — еще одна важная сторона личности Путина. Это не значит, что он хотел бы осуществить рыночные реформы: Путин действительно не верит в огосударвленную экономику, но, несмотря на то, что он ценит динамизм рынка, его приверженность рыночной экономике довольно своеобразна. Дело в том, что Путин сам хотел бы быть той «невидимой рукой» (а может быть, не такой уж и невидимой), которая всем управляет. С точки зрения авторов книги, тяжелый опыт Путина, связанный с решением проблемы продовольственного кризиса в Ленинграде в начале 1990-х, был ключевым для формирования его взглядов на экономику. В отличие от коммунистов, которые до сих пор мечтают о том, чтобы ренационализировать экономику, Путин хочет ренационализировать только «капитанов» экономики, представителей элиты. Его война против «ЮКОСа», внедрение в частные компании силовиков, которые вроде бы мыслили как государственники, но при этом активно использовали свое положение для личного обогащения, — все это было отчаянной попыткой контролировать рынок так, как обычно контролируют агентуру. Для Путина доверие подразумевает возможность контролировать. Он не может доверять тем, кто держит активы в обналиченной форме, а семью — за пределами России. Путин предлагает им защиту в обмен на уязвимость по отношению лично к нему. Он воспринимает олигархов не как собственников, а как управляющих государственными активами. Для

того чтобы они эффективно управляли этой собственностью, они должны чувствовать, что она им принадлежит, но для выживания режима им надо постоянно напоминать, что они просто менеджеры.

Путин — сотрудник госбезопасности

Большинство приверженцев теорий заговора видят в трех буквах — КГБ — простое объяснение того, как Путин сумел достичь вершин государственной власти. Но что на самом деле значит для Путина эта организация? Фионе Хилл и Клиффорду Гэдди отлично удалось ответить на этот вопрос. Они объясняют, что Путин не привел к власти КГБ, он просто привел во власть своих друзей, многие из которых, что неудивительно, раньше работали в «Конторе». Опыт работы в органах госбезопасности важен для понимания путинской политики прежде всего потому, что он научил его неформальным подходам. Путина специально готовили к тому, чтобы видеть за всем конкретных людей, а не институты. В КГБ его учили, как работать не в самих учреждениях, а «вокруг них». Именно благодаря этому искусству неформального подхода Путин сумел достичь успеха в трудный период 1990-х годов, но одновременно упор на неформальные связи и практики стал препятствием в деле выстраивания институтов.

Акцент на прошлом Путина и накопленном им жизненном опыте дает авторам возможность разобраться и в том, почему Путин пользуется общественной поддержкой, и в причинах его главной неудачи. Путину не удалось восстановить российское государство и не удалось выстроить стабильный политический режим. Его усилия по государственному строительству были сосредоточены не на упрочении государственной мощи, а на сокрытии государственной немощи. Конечно, сегодня российское государство сильнее и богаче, чем государство 1990-х, но эффективности в нем не прибавилось.

Шесть ключевых путинских ипостасей не помогли ему построить государство — он сумел лишь создать его видимость. Путин-государственник не смог сделать Россию более управляемой. Путин — пленник истории не смог предложить народу объединяющую национальную идею. Путин-«посторонний» не смог сделать так, чтобы хоть один из начатых им проектов ассоциировался бы с ним лично, и самый лучший пример тут — «Единая Россия». Путин — мастер выживания был настолько зациклен на том, как преодолеть наихудший сценарий, что упустил возможность для развития и реформ. Путин — сторонник свободного рынка наводнил Россию госкомпаниями, чьи владельцы научились быть лояльными, но не научились быть конкурентоспособными на мировом уровне. А Путин — сотрудник спецслужб продемонстрировал уникальное мастерство в деле подрыва институтов, но не научился уважать их автономию.

Седьмая ипостась: Путин-царь

В книге Хилл и Гэдди, как мне кажется, не хватает одной ключевой ипостаси, проявившейся в относительно недавнее время: Путин-царь. Слезы на глазах Путина сразу после его последнего переизбрания — вернейшее свидетельство того, что он именно царь. Но царь, уже ощутивший закат своего могущества, — только цари чувствуют себя вправе обидеться на неблагодарных подданных. Седьмая идентичность Путина сформировалась уже после

того, как он оказался в Кремле, но она становится все более важной. В последние десять лет Путин столкнулся с выбором, который неизменно возникает в любом персоналистском режиме: укреплять личную власть или укреплять режим, чтобы он мог сохранять устойчивость и после твоего ухода. В 2008-м, когда, вопреки всеобщим ожиданиям, Путин решил не идти на третий президентский срок, показалось, что он сделал выбор в пользу укрепления режима, но четыре года спустя судьба России вновь переменилась. 24 сентября 2011 года, когда Путин объявил о том, что возвращается в Кремль, он тем самым изменил существующий политический порядок: это, конечно, была не та перемена, на которую надеялся Запад, но тем не менее речь идет о существенном сломе. Путин сохранил власть, но ценой разрушения того режима, который он сам строил на протяжении предыдущих лет.

В путинской биографии есть много удивительного, но и много грустного. Она трагическим образом напоминает анекдот 1980-х про человека, который всю жизнь работал на заводе, где, как считалось, производились лучшие самовары в СССР. Год за годом он выносил с завода отдельные детали, надеясь, что сможет собрать у себя дома отличный самовар. Но как бы он ни соединял детали друг с другом, всякий раз получался вовсе не самовар, а автомат Калашникова.

Чем не краткий пересказ путинской истории? ■

ИВАН КРАСТЕВ